

Вера ВАСИЛЬЕВА:

«Я все еще страстно, одержимо хочу играть»

- Своим появлением вы украшаете сцену и экран, а у зрителей вызывает ощущение, будто жизнь всегда вам улыбается. Так ли это на самом деле, Вера Кузьминична?

- И так, и не так. И все же, как бы тяжело мне ни было - днями, а иногда и месяцами, - понимаю, что я счастливый человек. Когда вижу в глазах незнакомых мне людей нежность и слышу порой такие теплые слова, как «вы - наша молодость», то говорю судьбе спасибо за все.

- Сегодня, когда мы тоскуем по доброте и чистоте, вспоминается ваша Настенька из пьесы «Сказание о земле Сибирской». Как вы попали в эту картину?

- Ассистентки Ивану Александровичу Пырреву пришли как-то в наше театральное училище и увидели меня в раздевалке. «Девочка, хочешь сниматься в кино?» - обратились они ко мне. «Хочу», - ответила я. Они сказали, что им нужна молоденькая, никому не известная актриса с наивным лицом, здоровущая, упитанная девка - кровь с молоком.

- Как же проходили съемки? Как в сказке. Я оказалась бедной Золушкой на балу. А рядом знаменитые актеры.

- А чем стала в вашей судьбе Настенька?

- Она, как и первая съемка в кино, первый успех, первые радости от любви зрителей, долгое время диктовала мое поведение, мои взгляды на жизнь, сделала таким человеком, а не другим. Картина вышла на экран в сорок восьмом году.

- И вы тогда получили Сталинскую премию. Это было неожиданно для вас?

- Очень. Не знаю, насколько это правда, но мне рассказывали, что к премии я не была представлена, однако Сталин, который всегда смотрел все картины, будто бы спросил: «Где нашли эту прелесть?» Ему ответили, что Васильева - всего лишь студентка третьего курса. Он якобы сказал: «Она хорошо сыграла, надо премию ей дать». Меня мгновенно включили в списки, и я оказалась в числе лауреатов.

- Премия изменила что-либо в вашей жизни?

- Изменила. Мне дали на улице Горького комнату в девять метров, под самой крышей, которая протекала, и у меня всегда стояли два ведра. Обстановка была предельно скромной - матрац на ножках, стол, два стула, шкаф да три тарелки и две чашки. После коммунальной квартиры, где мы жили всей семьей - вшестером - в одной комнате, мое новое жилище казалось раем.

- Откуда вы родом?

- Мои родители тверские. Мама родилась в городе, в семье рабочего-гравера, где было девять человек детей, а отец - в деревне. Мама, увлеченная революционными идеями, нередко попрекала папу, что в его семье было аж две коровы! Сама она закончила коммерческое училище, изучала французский язык, привыкнуть к деревенской жизни не могла, и

семья переехала в Москву. Приезжие тогда ждали в подвалах, работали дворниками, истопниками. А мама устроилась на заводе, еще училась, и ее душа была больше вне дома, хотя у нее и росли три дочери. Я была младшей, родилась в Москве. А папа, напротив, после работы спешил домой, готовил обед, ждал маму и много читал. Если люди, знавшие моего отца, говорят, что я его истинная дочь, - для меня нет выше похвалы.

- Похожи на него?

- Внешне, видимо, я унаследовала его послушный кроткий характер, а внутренне - мамыны мечты о чем-то необыкновенном.

- О чем сами мечтали в детские годы?

- О сцене. Мне было лет пять, когда я впервые попала в театр - на оперу «Царская невеста». И была потрясена. Вернувшись домой, села за стол, приподняла скатерть, как шатер, и запела арии собственного сочинения. С тех пор, как только оставалась дома одна, наряжалась в диковинные костюмы и все пела. А в дворежном театре разыгрывала с ребятами всевозможные истории и сказки.

- Были уверены, что станете актрисой?

- Еще как! В школьном портфеле, который хранится у моей сестры, есть два рисунка с надписями: «Я в роли Маргариты Готье в день моего славного 25-летия сценической деятельности» и «Я в роли Клеопатры в день славного 50-летия». Но так и не удалось сыграть ни ту, ни другую.

- А какой была первая роль на профессиональной сцене?

- Когда заканчивала училище, в Театре сатиры ставили водевиль «Лев Гурьч Синичкин» с Владимиром Яковлевичем Зенкиным. Искали актрису на роль Лизаньки. Я отважилась подготовить ее. После показа ко мне подошел ведущий актер Владимир Алексеевич Лепко, поцеловав меня в лоб, только и сказал: «Душенька!» Вот так я в сорок восьмом году попала в Театр сатиры, с тех пор я здесь.

- Играли много?

- В первые годы все сыгралось как из рога изобилия. Играли лирических героинь, не вырываясь из круга несложных задач - быть милой, естественной, обаятельной. Просто жила, радовалась успеху, влюбленности, которая меня окружала. И тут в моей жизни произошел крутой поворот.

- Догадываюсь, что речь пойдет о «Свадьбе с приданым», которую поставил Борис Иванович Равенских.

- Именно так. Характер моей героини Ольги в этой постановке - независимый, гордый, уверенный - был далек от меня, но подошла моя внешность и умение петь частушки. В спектакле были заняты Виталий Доронин, Татьяна Пельтцер, Владимир Ушаков, игравший жениха Ольги. Мы работали как-то одержимо, до самозабвения. Борис Иванович обрушил на нас такую любовь к русской природе, старинным обрядам, такой восторг перед святостью любви и брака, так много говорил

о чистоте русской девушки, что я все больше влюблялась в его идеал, мне хотелось ему соответствовать. Старалась всю. Оттопывала перепляс, делала вид, что я лихая, что все мне нипочем.

- Но ведь не напрасно. Судя по отголоскам, спектакль имел невероятный успех.

- Еще какой! Мы играли по шестнадцать раз в месяц, всегда с аншлагами. Зрители знали наш текст наизусть, подхватывали куплеты вместе с нами. Постановка была экранизирована, удостоена Сталинской премии. В свои двадцать пять лет я получила вторую правительственную награду. Нынешние критики упрекнули бы его постановку в наивности, лубочности, излишней лакировке. Но в послевоенные годы была потребность именно в таком заразительном искусстве.

- О своей жизни вы исповедально рассказали в своей замечательной книге «Продолжение души». Писали сами?

- Все. От первого до последнего слова. Я ничего не сочиняла, писала, что знала, пережила, что чувствовала, старалась быть искренней.

- В книге есть такие слова: «Сердце плачет... Даже нет желания поделиться... Я одна». Чем они вызваны, что случилось с вами в ту пору в театре?

- В годы молодости я не чувствовала ни коварства, ни зависти, ни интриг, о которых часто предупреждают молодых актеров, приходящих в театр. Но, к сожалению, ничего не бывает вечного. Иногда и не знаешь, почему тебе вдруг изменило счастье, хотя вроде бы и не сделала никому никакого зла, а вокруг вдруг возникает стена молчаливого равнодушия. Такое произошло и со мной. Пять лет я выходила на сцену только в одном «Восемнадцатом верблюде». Ощущение, что я - вне жизни.

- И все же вы не сдались, а сами стали искать выход из тупика, не так ли?

- Так. Да и что толку от собственных переживаний и никому не нужных стонов. И мне снова выпала счастливая встреча, на этот раз в поезде - с Верой Андреевной Ефремовой, главным режиссером Калининского драматического театра. Мы разговорились, и она полусерьезно предложила мне сыграть Раневскую в ее постановке «Вишневый сад». Признаться, я давно мечтала о Раневской, но Валентин Николаевич Плучек никак не видел меня в этой роли. И, разумеется, я приняла приглашение Веры Андреевны. Стала ездить в город моего детства. Там и осуществилась моя мечта о чеховской героине. Позже встретила с Борисом Наумовичем Голубицким. С ним я сделала Кручинину в его спектакле «Без вины виноватые» Островского на сцене Орловского драматического театра. Там же играла лесковскую «Воительницу».

- Вера Кузьминична, хочу вспомнить, как три года назад я ездила с вами на два дня в Орел, где оба вечера вы играли свою Кручинину. Мне запомнилось ваше лицо, излучающее свет,

когда друзья провожали вас на вокзале...

- Когда есть что играть - летаешь словно на крыльях. О неурядицах и не вспоминаешь.

- Помню также, что по приезду в Москву в тот же вечер мы играли в Театре сатиры Домну Платоновну в лесковской «Воительнице», а на следующий день уезжали в Тверь. Знаю, что в таком ритме вы жили несколько лет. Бываете сейчас в Орле и Твери?

- Редко. Болен муж. Очень серьезно. Я ему нужна. Он актер нашего театра, тот самый Владимир Ушаков, который играл моего жениха в «Свадьбе с приданым».

- Вы всегда в прекрасной форме и с неизменной улыбкой на лице, как и сейчас.

- Видимо, у меня есть ангел-хранитель. Так мне кажется. Когда происходит какой-то крутой вывих, он вдруг появляется, и снова жить можно.

- Молитесь?

- Молось. Правда, молитва я не знаю. Но всегда говорю: «Прости меня, Господи, и помоги, если можешь и если хочешь».

- Суеверны?

- Да нет. И к экстрасенсам и гадалкам не хожу. Считаю, что нужно жить, как сказано в Евангелии, - делать добро, быть честной, любить и кротко переносить все, что выпадает на твою долю. Сейчас многие жалуются на жизнь.

- Как удаётся вам сохранять веру?

- Что тут удивительного? Часто думаю о тех дворянах - лучших представителях этого сословия, - оставшихся после революции в России. Они не роптали, а молча сносили все трудности, работали дворниками, прачками, малярами... При этом не ожесточались и не теряли человеческого достоинства.

- А много ли у вас друзей, на которых вы можете положиться?

- Не много. Есть несколько близких людей, которым доверяю всю жизнь. В театре дружу с Ниной Архиповой. Мой муж всегда с нежностью относился к Андрею Миронову, мы встречались домами. Но я небольшая, признаться, охотница до гостей.

- Что-то репетируете?

- Да. Александр Вилькин ставит в нашем театре пьесу Кокто «Священные чудовища». У меня роль француженки. Не знаю, смогу ли я ее сыграть. Надо найти еще внешний рисунок для моей экстравагантной героини. Всегда испытываю неуверенность, пока ощупью иду к роли.

- Театр и кино, на мой взгляд, востребовали лишь толику вашей славянской природы и вашей природной женственности. Надеюсь, что вы еще удивите своих зрителей.

- Хотелось бы. Годы бегут и бегут. Но душа остается прежней. И все так же страстно, одержимо я все еще хочу играть.

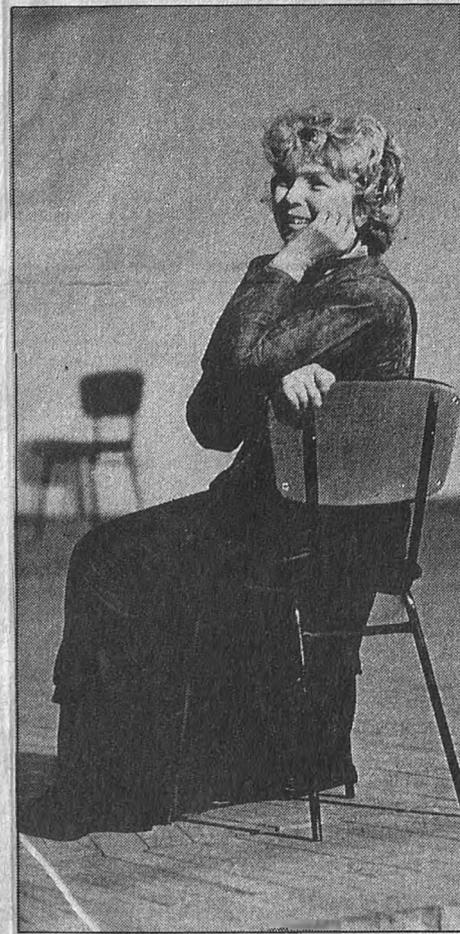

Фото А. ИВАНШИНА

Беседу вела
Лидия НОВИКОВА